

П Р И Б А В Л Е Н І Я
К Ъ В О Л О Г О Д С К И М Ъ
Е П А Р Х І А Л Ъ Н Ы М Ъ В Ъ Д О М С С Т Я М Ъ
(Г О Д Ъ П Я Т Ъ Д В Е С Я Т Ъ П Е Р В Ы Й).

Юля 15.

№ 14.

1915 года.

Епархіальная хроника.

3 мая, въ недѣлю 7-ю по Пасхѣ, и *9 мая* Преосвященнѣйшій Александръ, Епископъ Вологодскій и Тотемскій, раннія литургіи (съ 7 час. утра) совершалъ въ Крестовой церкви въ сослуженіи братіи обители и и. д. ключаря Каѳедральнаго собора.

6 мая. Въ день рожденія Государа Императора Николая Александровича позднюю литургію (съ 9 часовъ утра) и послѣ оной благодарственный Господу Богу молебень въ Каѳедральномъ соборѣ совершили Преосвященнѣйшій Александръ, Епископъ Вологодскій и Тотемскій, и Епископъ Вельскій Антоній въ сослуженіи соборнаго причта, епархіальнаго наблюдателя прот. В. Смѣлкова и іеромонаха Крестовой церкви Инокентія. Въ служеніи молебна принимало участіе все градское духовенство. На молебнѣ присутствовали: Вологодскій вице-губернаторъ, губернский предводитель дворянства и военные и гражданскіе чины.

9 мая. Всенощное бдѣніе на день Пятидесятницы съ 6 часовъ вечера Преосвященнѣйшій Александръ совершилъ въ Каѳедральномъ соборѣ въ сослуженіи соборнаго причта, епарх. наблюдателя церк. школь и протоіерея А. Суровцова.

10 мая. Въ день Пятидесятницы позднюю литургію и положенную послѣ оной вечерню съ чтеніемъ нарочитыхъ молитвъ Преосвященный Александръ совершилъ въ Каѳедральномъ соборѣ въ сослуженіи епарх. наблюдателя прот. В. Смѣлкова, прот. А. Суровцова, свящ. С. Видякина и членовъ соборнаго причта, кромѣ свящ. М. Поддьякова.

11 мая. Въ день Св. Духа позднюю литургію въ Свято-Духовомъ монастырѣ совершили Преосвященные Александръ и Антоній въ сослуженіи архим. Нифонта, прот. В. Смѣлкова, прот. Н. Коноплева, настоятеля Лопотова монастыря іеромонаха Спиридона, и. д. ключаря Каѳедр. собора, свящ. Н. Миролюбова и іеромонаха Свято-Духова монастыря Варлаама. Предъ

литургією изъ Каѳедральнаго и Спасовсеградскаго соборовъ былъ совершенъ въ монастырь крестный ходъ съ чудотворными иконами Спаса Всемилостиваго изъ Спасовсеградскаго собора и Божіей Матери „Всѣхъ скорбящихъ Радость“ изъ Каѳедральнаго собора. Послѣ литургіи Пресвященный Антоній въ сослуженіи градскаго духовенства совершилъ крестный ходъ кругомъ храма съ пѣніемъ молебна Пресвятой Троицѣ, тремя остановками (на южной, восточной и сѣверной странахъ храма), чтеніемъ св. евангелія на второй остановкѣ, осѣпленіемъ св. Крестомъ и окропленіемъ св. водою.

14 мая. Позднюю литургію (съ 9 час. утра) въ Каѳедральномъ соборѣ и послѣ литургіи молебнѣ съ колѣнопреклоненіемъ по особому чину совершили Пресвященные Александръ, Епископъ Вологодскій и Тотемскій, и Антоній, Епископъ Вельскій, въ сослуженіи соборнаго причта, архим. Нифонта, прот. В. Смѣлкова, произведеннаго во время литургіи въ санъ протоіерея пастоятеля Кадник. собора свящ. П. Бузьмина и уѣзднаго наблюдателя свящ. П. Малиновскаго. На молебнѣ присутствовали: г. Начальникъ губерніи, губернский предводитель дворянства, предсѣдатель Окружнаго суда и другіе чины.

Въ тотъ же день въ 9 час. вечера на пароходъ Сѣвернаго Общества „Генераль Скобелевъ“ Пресвященный Александръ отбылъ въ г. Устюгъ Великій и сѣверные уѣзды епархіи для обозрѣнія церквей.

25 мая. Позднюю литургію въ Каѳедральномъ соборѣ и послѣ оной молебнѣ совершилъ Пресвященный Антоній, Епископъ Вельскій.

17 мая. Пресвященнѣйшій Александръ совершалъ литургію въ Устюжскомъ Успенскомъ соборѣ; за литургією былъ возведенъ въ санъ протоіерея священникъ Дмитріевской, что на Дымковѣ, церкви Григорій Чистяковъ

24 мая. Пресвященнѣйшій Александръ совершалъ литургію въ Устьмысльскомъ храмѣ во имя святителя Стефана, Епископа Пермскаго.

25 мая. Пресвященнѣйшій Александръ отправилъ молебствіе въ селѣ Устьвымъ Яренскаго уѣзда въ Благовѣщенскомъ храмѣ въ сослуженіи мѣстныхъ іереевъ и Устьмысльскаго іерея Батаева

26 мая. Преосвященнѣйшій Александръ совершилъ литургiю въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ Ярепскаго уѣзда.

30 мая. Преосвященнѣйшій Александръ совершилъ литургiю въ Благовѣщенскомъ соборѣ г. Сольвычегодска въ сослуженiи соборнаго причта и уѣзднаго наблюдателя церковныхъ школъ; на литургiи въ положенное время возведенъ въ санъ протоіерея священникъ Тихонъ Чулковъ.

Миссіонерскія поѣздки въ 1915 г. въ Грязовецкій уѣздъ.

20 янв. я выѣхалъ изъ гор. Вологды въ Грязовець, и оттуда въ Корнилевъ монастырь. *21 янв.* 1915 я бесѣдовалъ въ дер. Запруднонь Николаевскаго Кустовскаго прихода. Въ этой деревнѣ изъ 25 домовъ 5 принадлежать къ раскольническому толку даниловцевъ, но никто изъ нихъ на бесѣду не приходилъ, и бесѣда была проведена исключительно съ православными.

22 янв. бесѣда была въ дер. Желомининъ того же прихода. Въ деревнѣ есть придерживающіеся секты странниковъ. На бесѣдѣ народу было очень мало, и въ виду малочисленности слушателей я не раскрывалъ старопечатныхъ книгъ, а проволъ бесѣду о таинствахъ св. Причащенiя по брошюрѣ Професс. Н. И. Ивановскаго, направленной къ обличенiю мнѣній старообрядцевъ о замѣнѣ таинства Причащенiя духовнымъ причащенiемъ и огнепальнымъ желанiемъ, а также о необходимости и вѣчности таинства Тѣла и Крови Христовыхъ.

23 янв. я прѣхалъ къ Иоанно-Предтеченской Барской церкви. Вечеромъ была бесѣда въ дер. Погибловъ, въ помѣщенiи Погибловскаго земск. училища. Въ этой деревнѣ нѣсколько семействъ склонны къ странничеству, посему бесѣда была направлена къ обличенiю взглядовъ старообрядцевъ объ антихристѣ и вообще о послѣднихъ временахъ предъ пришествiемъ Христовымъ, а также разъяснено было ученiе о вѣчности Церкви Христовой и таинствахъ. Слушателей на этой бесѣдѣ было очень много, были и изъ склонныхъ къ странничеству, но никто не вступалъ въ разговоръ: когда я предложилъ высказать свои недоумѣнія или сомнѣнія, то слушатели отзывались обычнымъ отзывомъ о своей малограмотности.

24 янв. Родительская суббота. За литургiей въ Барской церкви было сказано мною поученiе о пользѣ поминовенiя усопшихъ: — виды сего поминовенiя — домашняя молитва, раздаванiе милостыни въ память умершихъ и принесенiе о нихъ Безкров-

ной Жертвы. 24 же янв. пріѣхалъ къ Чернецкой Успенской церкви. 25-ю — *недѣля мясопустная* — вмѣстѣ съ приходскимъ священникомъ Конст. Цивилевымъ совершилъ Божественную литургію, за которой сказалъ поученіе на Евангельское литургійное чтеніе о страшномъ судѣ Божіемъ. Послѣ литургіи ѣздили въ дер. Зажелку. Здѣсь имѣли намѣреніе провести бесѣду со странницами живущими въ одномъ домѣ, но насъ въ этомъ домѣ странницы старухи не пустили. Среди же прочаго населенія деревни идетъ приготовленіе къ отправкѣ рекрутовъ въ воинскому призыву (на 26 янв. въ г. Грязовецъ); посему настроеніе для религіозной бесѣды было не подходящее. Мы посидѣли въ одной избѣ и съ хозяиномъ дома и пришедшими нѣсколькими женщинами побесѣдовали по вопросу: какъ спастись живя въ міру. Страннической взглядъ таковъ, что въ мірѣ нельзя спастись, надо уйти отъ дому, отъ семьи, и въ тиши пустыни и уединенія проводить жизнь. Мы говорили, что и въ мірѣ можно спастись, не разрывая связей съ обычными дѣлами. Въ теченіе двухъ часовъ нашей бесѣды мы успѣли коснуться многихъ вопросовъ общаго христіанскаго вѣроученія, а также и соприкосновенныхъ съ полемикою раскола.

Изъ Чернецкаго прихода я прѣхалъ въ г. Грязовецъ и 26 янв. возвратился въ Вологду. Въ эту поѣздку я былъ въ трехъ приходахъ съ раскольническимъ населеніемъ, устроилъ четыре бесѣды и сказалъ двѣ проповѣди.

Епархіальный миссіонеръ священникъ *Аполлинарій Заплатинъ*.

Христіанское міровоззрѣніе въ сочиненіяхъ нашихъ поэтовъ.

(Продолженіе.)

Насколько благодать Божія словами святого Евангелія облагораживаетъ и перемѣняетъ сердца человѣческія въ пользу добра и добрыхъ другъ къ другу отношеній людскихъ, — это прекрасно выразилъ поэтъ А. М. Жемчужниковъ въ своемъ стихотвореніи „Ранняя весна“, говоря:

„На утренней зарѣ духовной жизни
Я возлюбилъ ученіе Христа
И мыслію и сердцемъ умиленнымъ
Въ тѣ грубныя безправья времена
Одинъ Христосъ смягчалъ людское сердце —
Онъ юнаго меня училъ любить

Трудящихся и вѣхъ обремененныхъ...

Чѣмъ былъ-бы я на старости—какъ знать—

Когда въ тѣ дни Евангельскаго Слова

Не снизошла мнѣ въ сердце благодать“?

Особенно убѣдительно-настойчиво наши поэты указываютъ на силу св. Евангелія въ минуты бѣды и скорбей жизни, когда человѣкъ не далеко бываетъ отъ того, чтобы впасть въ отчаяніе. Такъ знаменитый И. С. Никитинъ въ своемъ стихотвореніи „Новый Завѣтъ“ съ особенною рельефностью отображаетъ дѣйствія Евангельскаго Слова на его мятущуюся душу, когда онъ въ тяжелыя минуты своей нелегкой жизни искалъ покоя и силъ въ этой „книгѣ книгъ“, какъ успокаивались его сердечныя муки при чтеніи этой великой книги. Онъ говоритъ:

„Измученный жизнью суровой

Не разъ я себѣ находилъ

Въ глаголахъ Предвѣчнаго Слова

Источникъ покоя и силъ.

Какъ дышать святые ихъ звуки

Божественнымъ чувствомъ любви,

И сердца тревожнаго муки

Какъ скоро стираютъ они“.

Слова Евангелія, всецѣло проникнутыя любовію къ людямъ, лучшее утѣшеніе въ скорби. Каждый страдающій, услышавъ ихъ цѣлительную силу, скажетъ съ поэтомъ:

„Какъ сладко читать эти строки,

Читая молиться въ тиши,

И плакать, и черпать уроки

Изъ нихъ для ума и души“.

Поэтъ Тютчевъ въ стихотвореніи „При посылкѣ Нового Завѣта“ писалъ о значеніи его при такихъ обстоятельствахъ жизни, переживать которыя человѣкъ бываетъ не въ состояніи своими только естественными человѣческими силами:

„Скудны всѣ земныя силы:

Разсвирѣветъ жизни зло—

И намъ какъ на краю могилы,

Вдругъ станеть страшно тяжело.

Вотъ въ эти-то часы, съ любовью,

О книгѣ сей ты вспомани,

И всей душой, какъ къ изголовью,

Къ ней припади и отдохни“!

Геніальный творецъ романа „Братья Карамазовы“, умѣвшій своимъ талантомъ пропикнуть въ самыя глубины людскихъ страданій, считалъ Евангеліе неразлучнымъ спутникомъ жизни человѣческой и самъ никогда съ нимъ не разставался. Онъ говоритъ: „Господи, что за книга это священное писаніе, какое чудо и какая сила, данная съ нею человѣку! Точно изваяніе міра и человѣка, и характеровъ человѣческихъ, и названо все и указано во вѣки вѣковъ. И сколько тайнъ разрѣшенныхъ и откровенныхъ! Люблю книгу сію! Гибель народу безъ слова Божія, ибо жаждаетъ душа Его Слова и всякаго прекраснаго воспріятія“ (Сол. т. XII, стр. 347)

Августѣйшій поэтъ К. Р. въ стихотвореніи „Подпись къ Евангелію“ выражаетъ пожеланіе, чтобы „эта книга священная“ сопутствовала въ жизни посвящаемаго лица всегда и во всемъ, давала утѣшеніе въ тяжелыя минуты и возвышающе дѣйствовала-бы на душу:

Пусть эта книга священная
Спутница вамъ неизмѣнная
Будетъ вездѣ и всегда,
Пусть эта книга спасенія
Вамъ подаетъ утѣшеніе
Въ годы борьбы и труда!
Эти глаголы чудесные,
Какъ отголоски небесные,
Въ грустной юдоли земной,
Пусть въ ваше сердце вшиваются,
И небеса сочетаются
Съ чистою вашей душой“...

Но Евангеліе, какъ слово Божественнаго Откровенія, понимается лишь только тогда, когда оно воспринимается пропикновеннымъ сердцемъ. Человѣкъ, настроенный по отношенію къ этой священной книгѣ кощунственно, только лишь о нее преткнется и болѣе духовно упадетъ.

Эту мысль прекрасно подтверждаетъ знаменитый Вайронъ, говоря:

„Блаженъ, кто, дивныя страницы пробѣгая
Священной книги, духъ и смыслъ ихъ разумѣлъ,
Молиत्वу чистую надъ нею повторяя,
Безмолвствуя предъ ней въ слезахъ, благоговѣлъ—
Кто могъ горѣ душой и мыслью упоиться.

Премудрости ея сомнѣваемъ не пытатъ,
Но лучше во сто брать, о, смертный, не родиться,
Чѣмъ строки дивныя надменно отвергать“.

(Соч. I т., стр. 36)

Исканіе жизненнаго смысла и удовлетвореніе его при свѣтѣ христіанскаго Богооткровеннаго ученія особенно убѣдительно подтвердилось жизнію знаменитаго русскаго философа — христіанина Владимира Сергѣевича Соловьева и запечатлѣно въ его поэтическихъ произведеніяхъ. Много бурь, сердечной тоски, сомнѣній ума, внутренней борьбы пережилъ онъ въ своей юности. Онъ мучился въ поискахъ жизненнаго смысла и удовлетворенія горящей въ немъ жажды найти правду жизни. Доедши въ своихъ исканіяхъ до отрицанія Бога и управляющаго міромъ и людьми всеблагаго Промысла Божія, онъ подходилъ къ рѣшенію мучительной, душу раздирающей, дилеммы: „что-же дальше“? и „стоитъ ли жить“? Но эти страданія были весьма полезны для него. Они были горниломъ, очищающимъ его душу и совѣсть отъ надевія, и привели его, находящагося на краю гибели, къ Единому Спасителю Богу.

За много лѣтъ до своей кончины Соловьевъ сталъ глубоко-религіознымъ человѣкомъ, посвятившимъ конецъ своей жизни служенію правдѣ Божіей, которую онъ снискалъ въ св. Евангеліи. Въ своихъ неподражаемыхъ поэтическихъ произведеніяхъ онъ выражаетъ вѣру, что рядомъ съ чувственнымъ, видимымъ, тлѣннымъ міромъ, живетъ другой, лучшій міръ. Онъ вѣритъ въ загробную жизнь, въ торжество чистаго, идеальнаго начала, которое одно вѣчно и вѣчно.

„Милый другъ, иль-ты не видишь,

Что все видимое нами —

Только отблескъ, только тѣни

Отъ незримаго вдали?

Милый другъ, иль-ты не слышишь,

Что житейскій шумъ трескучій —

Только откликъ искаженный

Торжествующихъ созвучій“?

Чувство религіозности Соловьева просвѣчиваетъ во многихъ его стихотвореніяхъ. Такъ, напр., въ переведенномъ имъ съ итальянскаго языка стихотворенія „Хвалы и моленія Пресвятой Дѣвѣ“ говоритъ онъ:

„О, всесвятая, благословенная,
Лѣствица чудная, къ небу ведущая!
Съ неба ко мнѣ приклони свои очи!
Воду живую, въ вѣчность текущую,
Ты намъ дала, Голубица Смиренная!
Ты Солнце правды во мракѣ нашей ночи
Вновь возвела Мать, Невѣста и Дочь,
Дѣва всеславная
Міродержавная
И таинница Божьихъ совѣтовъ!
Проведи ты меня съвозъ земные туманы
Въ горнія страны,
Въ отчизну свѣтовъ!
Дѣва единая межъ земнородными
Небо плѣвила Ты чистой красою.
Въ цѣпи златой Ты звено неразрывное,
Зла не касаясь волей святой,
Думами ясными, Богу угодными,
Храмомъ живымъ Его стала Ты, дивная,
Скорбь моя тяжкая, скорбь непрерывная
Свѣтлою радостію вся расцвѣтаеть,
Если молитва Твоя низведетъ
Въ сердца пустыню небесъ изобиліе.
Въ духѣ смиренномъ склонивъ колѣна,
У всеобщей прощу защиты:
Цѣпь разорви Ты
Земнаго плѣва“...

Такъ можетъ писать (или переводить съ иного языка) только лишь вѣрующій христіанинъ. Еще болѣе вышукло отображается въ стихотвореніяхъ Соловьева тоска по Богѣ и чувство близости Его защиты.

Прекрасно изображаетъ поэтъ въ одномъ стихотвореніи волненіе души на землѣ, отлученной отъ созерцанія Божества, сравнивая ее съ волною, разлученною съ моремъ:

„Волна въ разлукѣ съ моремъ
Не вѣдаетъ покою,
Ключемъ ли бьетъ кипучимъ,
Иль катится рѣкою,—
Все рошцетъ и вздыхаетъ,
Въ цѣпяхъ и на просторѣ,

Тоскуя по безбрежномъѣ“

Бездонномъ синемъ мор...

Тоска эта смиряется у поэта върою въ[близость Бога. Уче-
св. Евангелія никогда не утратитъ своей неуывдаемой силы.
Значеніе его никогда не было исчерпано и не будетъ исчерпано
людьми, въ какую бы даль въковъ ни отошло появленіе его
на землѣ.

„Во тьму въковъ та ночь ужъ отступила,
Когда, уставъ отъ злобы и тревогъ,
Земля въ объятяхъ неба опочила,
И въ тишинѣ родился Съ—нами—Богъ.
Вѣчное, что въ эту ночь открылось,
Не сокрушимо временемъ оно
И слово вновь въ душѣ твоей родилось,
Рожденное подъ яслими давно“ („Иммануэль“).

Умиротворяющее душу человѣка дѣйствіе св. Евангелія,
выражающееся въ особомъ присутствіи въ насъ Духа Божія,
поэтъ выражаетъ словами:

„Съ нами Богъ,—не тамъ въ патрѣ лазурномъ,
Не за предѣлами безчисленныхъ міровъ,
Не въ зломъ огнѣ, и не въ дыханѣ бурномъ,
Онъ здѣсь, теперь,—среди суеты случайной,
Въ потокѣ мутномъ жизненныхъ тревогъ.
Владѣешь ты всерадостною тайной:
Безсильно зло; мы вѣчны; съ нами Богъ“ («Иммануэль»).

Тоска по Богѣ смиряется у поэта, далѣе, признаніемъ, что
живя на землѣ онъ исполняетъ волю Божию:

„Хоть мы на вѣкъ незримыми цѣпями
Прикованы къ нездѣшнымъ берегамъ,
Но и въ цѣпяхъ должны свершить мы сами
Тотъ кругъ, что боги очертили намъ.
Все, что на волю высшую согласно,
Своею волей чуждую творить,
И подъ личиной вещества безстрастной
Вездѣ огонь божественный горить“.

Или, наконецъ, отсутствіемъ страха передъ смертью, такъ
какъ:

„Жизнь только подвигъ—и правда живая
Свѣтитъ безсмертнымъ въ истлѣвшихъ гробахъ“.

(„Если желанья бѣгутъ словно тѣни“).

Христіанивомъ — проповѣдникомъ ученія о личномъ Богѣ, о всепрощеніи, о любви, и перенесеніи страданій, о безсмертіи, является, далѣе, Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ. Его душа въ каждой строкѣ стиха проникнута глубокой и горячей вѣрой въ Бога.

„День пройдетъ,
И близокъ онъ, когда ни горя, ни страданій,
Не будетъ по землѣ“ (Странникъ“).

Плещеевъ проникнуть глубокимъ религіознымъ чувствомъ.

Онъ говоритъ:

О, Боже мой! возстапови.

Мой падшій духъ, мой духъ унылый!

Я жажду вѣры и любви,

Для новыхъ битвъ я жажду силы.

Закутанъ мракомъ ночи я.

И въ немъ я ощупью блуждаю;

Ищу въ свѣтильникъ свой огня,

Но, гдѣ обрѣсть его, не знаю.

Въ изнеможенія скорбный часъ

Простри спасательныя руки,

Да упадетъ завѣса съ глазъ,

Да прочь идутъ сомнѣнья муки!

Внезапнымъ свѣтомъ озарень,

Отъ лжи мой умъ да отрѣшится,

И вмѣстѣ съ сердцемъ да стремится

Постигнуть истины законъ.

Услышь, о, Боже! голосъ мой!

Да возлюбивъ всею сердцемъ брата,

Во тьмѣ затерянной тропой

Пойду я вновь и безъ возврата“ („Молитва“).

Въ Плещеевъ горитъ огонь святого вдохновенія. Онъ такъ молится въ стихотвореніи „Мольба“:

„О, Боже Истины! Вонми

Гонимыхъ чадъ Твоихъ молитвъ!

Сердца озлобленныхъ смягчи,

Открой слѣпымъ и спящимъ очи, —

И пусть хоть блѣдные лучи

Блеснутъ въ глубокомъ мракѣ ночи“!..

Поэтъ проникнуть глубокою вѣрою въ загробное воздаяніе при которомъ только и возможно примиреніе всѣхъ несогласій и противорѣчій окружающей насъ жизни:

„Да, этотъ міръ хорошъ! Но право наслаждаться Царовано-ли всѣмъ могучею судьбой?..

Здѣсь узники вдали отъ родины томятся,
Тамъ въ рубищѣ бѣднякъ съ протанутой рукой,

Тотъ солнечныхъ лучей напрасно ищетъ взоромъ

Не заглянуть они въ окно тюрьмы его..

Другой на небеса глядитъ съ вѣмымъ укоромъ,—

Отъ зноя отдохнуть нѣтъ крова у него!

Не для него красы улыбка молодая,

Его трудовъ другимъ всегда назначенъ плодъ,—

Подъ тяжкимъ бременемъ нужды изнемогая,

Прекраснымъ этотъ міръ бѣднякъ не назоветъ!...

Но предъ лицомъ Творца равны его созданья,

И тамъ найдетъ бѣднякъ за муки воздаянья!

Да, вѣрю, вѣрю я, что всѣ предъ Нимъ равны...

Но люди не для мукъ,—для счастья рождены!

И сами создали себѣ они мученья,

Забывъ, что на крестѣ Господь имъ завѣщалъ“!..

Священникъ *Николай Соболевъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мои воспоминанія объ Имѣ.

При вѣздѣ къ зимницѣ мы оказались опять въ хвостѣ кортежа и г.г. юристы подѣхали къ ней ранѣ насъ; подѣзжая къ зимницѣ, мы уже замѣтили, что намъ нечего и думать водвориться въ этой избушкѣ вмѣстѣ съ г.г. юристами, на равныхъ правахъ совмѣстныхъ и интеллигентныхъ путешественниковъ.

Мы даже съ трудомъ пробрались мимо избушки. Но наши эмцки утѣшили насъ, что въ полуверстѣ отъ этой зимницы есть охотничья избушка. Туда мы и направились.

Интересна была картина вокругъ зимницы,—картина, достойная кисти художника.

Множество движущихся фигуръ: лошадей, собакъ и людей. Лунная, морозная почва съ міриадами звѣздъ, кругомъ лѣсъ со своеобразной зимней прелестью при лунномъ освѣщеніи,—и въ этомъ сказочномъ лѣсу избушка на курьихъ ножкахъ, изъ ко-

торой, такъ и ждешь, что вотъ, вотъ выскочить баба-яга, костяная нога, а вокругъ этой избушки масса животныхъ и людей,—всѣ они кругомъ ярко пылающаго костра, наль которыми приспособленъ большихъ размѣровъ котель,—это готовится „мохнатымъ путешественникамъ“ дорожный ужинъ изъ конины, запахъ котораго ощущая, въ пріятной истомѣ, вытянувъ языки, лежали виновники этой оригинальной, импровизованной кухни на лонѣ природы... Тутъ же въ кругу собакъ и костра, забавляясь всѣмъ этимъ, грѣясь и шутя другъ съ другомъ, расположились ящички... За этимъ живымъ кольцомъ ржали проѣхавшія по цѣлянѣ и уставшія бѣдныя, невзрачныя на видъ, зырянскія лошадки, привязанныя у своихъ саней, на которыхъ было навалено по большому, весьма своеобразной формы ящичку. —въ нихъ помѣщались во время пути болѣе или менѣе дорогія собаки и щенята, а одинъ изъ ящичковъ занималъ „на особомъ положеніи“, какъ ни странно это мнѣ показалось, ручной нашъ „бирюкъ“, —въ чемъ я убѣдился лично во время пути еще къ зимницѣ. Отѣхавъ не болѣе 2—3 верстъ отъ деревни, вдругъ мы слышимъ среди громады лѣса волчій вой... разъ,—два и т. д. Естественно, недоумѣваемъ... Но наше недоумѣніе, высказанное ящичку, скоро разъяснилось. Оказывается у г.г. юристовъ, кромѣ множества собакъ, былъ еще и волкъ, и при томъ ручной. Уже предъ самой зимницей нашъ бирюкъ, вой котораго пересталъ уже насъ смущать, воспользовавшись д. б. тѣмъ, что въ открытую дверцу клѣтки его забросили кусокъ мяса,—далъ гягу въ лѣсъ. Ящички юристовъ погнались за нимъ,—но волкъ дальше и дальше отъ нихъ и ушелъ бы навсегда, но одинъ изъ хозяевъ его подалъ свой голосъ, приноровивъ его къ волчьему вою, и волкъ, опять же, какъ ни странно это, послушалъ своего хозяина, безпрекословно вернулся и по жесту руки вошелъ въ свою клѣтку.

Вотъ вамъ и пословица „какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ“, —замѣтилъ я проходившему мимо нашихъ саней хозяину бирюка. „Нѣтъ,—батюшка, лаской и любовью не только волка, а кажется мнѣ, что можно приручить и всякое дикое животное“. Отвѣтилъ мнѣ укротитель волка. Да, любовь, любовь... Гдѣ бы ты ни проявила свое свойство,—вездѣ за тобой великая сила,—подумалъ я.

Наконецъ, мы и на отдыхѣ. Но, Боже мой, что это былъ за отдыхъ!..

Избушка, въ которую насъ привезли ящики, представляла изъ себя $1\frac{1}{2}$ квадрат. саж. пространства. Въ эту же избушку, немного спустя времени, вошли и промерзшіе до костей ящики юристовъ, которымъ не позволили помѣститься въ зимницѣ ихъ господъ. Русская поговорка: „какъ сельди въ бочкѣ“, отлично на этотъ разъ оправдала свое названіе.

Тѣнота, духота, давка, жарыща были прямо невыносимы для непривычныхъ къ подобной обстановкѣ людей. Но матушкѣ волей не волей пришлось мириться съ этимъ печальнымъ фактомъ, — такъ какъ съ груднымъ младенцемъ на открытомъ морозномъ воздухѣ было бы еще хуже. Я же со старшимъ сыномъ (6 лѣтъ), рискуя здоровьемъ обоихъ насъ, какъ бомба выскочилъ на свѣжій здоровый воздухъ. А надышавшись имъ въволю, мы съ сыномъ и на ночь рѣшили остаться на воздухѣ. Зайдя обратно въ избушку и боясь, чтобы никого не растоптать изъ расположенныхъ повально на полу ящиковъ, я съ порога избушки попросилъ у матушки, расположившейся на нарахъ зимницы, шубное одѣяло, закуталъ имъ въ саниахъ сына и самъ „прикурнулъ“ къ нему, закрывшись тулупомъ. Но эта ноченька на открытомъ воздухѣ чуть не стоила намъ сына. Последній схватилъ жестокую простуду, которая выразилась въ формѣ инфлюэнцы сначала, а затѣмъ перешла и въ воспаление легкихъ. И если бы не г.г. юристы, которые снабдили меня изъ дорожной своей аптечки хининомъ, аспириномъ, іодомъ, спиртомъ и коньякомъ, по прїѣздѣ уже въ Роздинъ, такъ и не спасти бы было намъ юнца. Награди ихъ Господь за это добро!

Отъ этой злосчастной избушки—баньки ѣхали мы до Роздина (лѣста моего назначенія) еще двое сутокъ (50 верстъ). Въ послѣдней зимницѣ, довольно простерной, но грязной, которую содержитъ уже мой прихожанинъ, мы съ великимъ удовольствіемъ поѣли свѣжей ухи изъ налимовъ. Это былъ первый горячій приварокъ за четверо сутокъ!

Проѣхавъ, такимъ образомъ, 100 верстъ при самыхъ тяжелыхъ путевыхъ условіяхъ, каковецъ, на пятая только сутки, мы прибыли въ село Роздинъ.

Впрочемъ съ подобными описаннымъ неудобствами приходится считаться исключительно рѣдко,—а именно только при необходимости, во что бы то ни стало, ѣзды, когда путешественнику не до практическихъ удобствъ. Въ такихъ именно обстоятельствахъ пришлось быть и мнѣ при первоначальной по-

ѣздкѣ въ Роздинѣ,—такъ какъ назначеніе мое туда состоялось уже въ первой половинѣ августа мѣсяца,—къ тому же я довольно долго уже проживалъ съ семействомъ въ чуждомъ для меня с. Помоздинѣ. А въ общемъ, зимній путь не представляетъ такой печальной картины, какую видѣлъ читатель. Со второй половины ноября, когда болота, ручьи и рѣчки замерзаютъ, обыкновенно зимняя проселочная дорога бываетъ уже проложена. Обычное же явленіе для глухихъ мѣстностей: 1) это узкость дороги, 2) ухабы и раскаты и 3) отсутствіе жилья.

Только на половинѣ дороги между с.с. Помоздиномъ и Роздиномъ есть деревенька въ 7—8 дворовъ, гдѣ путникъ въ болѣе приличной обстановкѣ и чистотѣ можетъ спокойно отдохнуть за шумящимъ самоварчикомъ.

Но мнѣ, кажется, что излишне будетъ сказать еще нѣсколько словъ о волоковыхъ зимницахъ, о которыхъ приходилось говорить только къ слову. Зимницы ижемскія, кромѣ того, что онѣ очень невзрачны на видъ, и содержатся своими хозяевами съ крайней нечистоплотностью,—изобилуютъ вслѣдствіе этого клопами, тараканами, а на полу, съ открытыми въ немъ и въ углахъ его щелями, безъ всякой боязни, такъ и шныряютъ четвероногіе грызуны,—благо, объѣдковъ отъ стола путешественниковъ на долю ихъ остается не мало. Невольно вспоминаются уривскія зимницы на Печеркомъ волоку,—которыя знакомы мнѣ по поѣздкѣ въ Печеру. Тамъ зимницы содержатся на средства земской управы,—раздѣлены на 2 половины, изъ коихъ одна предназначена для интеллигентныхъ путешественниковъ, проѣзжающихъ по дѣламъ службы чиновниковъ. Комната эта всегда содержится въ чистотѣ. Жаль только, что въ некоторые путешественники, благодушествующіе на отдыхъ въ зимницахъ, находятъ смыслъ отдыха въ мальчишескихъ упражненіяхъ дѣлать варандашемъ, большею частью, а за неимѣніемъ такового и ножичкомъ, замѣтки на стѣнахъ и косякахъ съ содержаніемъ не только въ слишкомъ веселомъ и игривомъ духѣ, но и прямо циничныя. А вѣдь среди путешественниковъ не только мужчины, но столь щепетильные къ подобнымъ пакостямъ,—встрѣтятся могутъ и женщины. И что это смотрять время отъ времени проѣзжающіе черезъ Печерскій волокъ г.г. члены управы? Почему бы имъ не обратить на это свое благосклонное вниманіе и не принять мѣръ къ уничтоженію неподобающихъ ципизмовъ?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ предсмертнаго письма.

... Прочель сейчасъ о священникѣ, героѣ Горбаневскомъ. Мнѣ вспомнился другой священникъ, о. Аѳанасій Турундаевскій. Вотъ рассказъ о немъ.

„Это было въ П., гдѣ стоялъ штабъ нашего отряда. Къ намъ пріѣхалъ молодой священникъ. Разговорились. Съ первыхъ словъ въ немъ оказалась глубокая вѣра въ свое дѣло пастыря. „Я пріѣхалъ сюда по доброй волѣ, потому что знаю и люблю пародъ. Я знаю, какъ подойти къ солдату“...

Когда передъ вторженіемъ нѣмцевъ въ Курляндію на нашемъ фронтѣ начались стычки и въ мѣстечкѣ Р. разгорѣлся бой, онъ отпросился туда. Наши были окружены нѣмцами. Значительный отрядъ могъ быть уничтоженъ, такъ какъ большинство команднаго состава вышло изъ строя. Отецъ Аѳанасій бросился туда, въ сферу праивельнаго и пулеметнаго огня. „Братцы, я—впереді, у меня святой крестъ, за нимъ его святая сила“ И солдаты пошли за нимъ.

Потомъ я видѣлъ его. „Вы, батюшка, тамъ спасли народъ“. Онъ весь заволповался. „Что вы, что вы, не я, сила креста святаго“...

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его на томъ же фронтѣ въ день наступленія нѣмцевъ. Нѣмцы уже подходили къ Митамѣ. Отецъ Аѳанасій пріѣхалъ къ намъ въ К. днемъ. Весь день я провелъ частью въ пулеметномъ блиндажѣ, частью на артиллерійскомъ наблюдательномъ пунктѣ. Въ лобъ мы нѣмцевъ не пустили. Часамъ къ 6-ти нѣмцы успокоились. Наступило затишье. Силуэты ихъ цѣпей исчезли изъ нашего поля зрѣнія. Въ 8-мъ часу мой телефонъ пересталъ работать. Я послалъ исправить линію, такъ какъ иной связи съ начальникомъ отряда не было. Посланный не вернулся. Мы встревожились.

Въ то время въ нашемъ блиндажѣ появился о. Аѳанасій. „Ну, вотъ я къ вамъ съ Господнимъ благословеніемъ пришелъ“. И стоитъ поверхъ бруствера. „Батюшка, спуститесь ниже“!— „Ничего, и здѣсь постою. А вонъ, смотрите, кто-то идетъ“. Я поднялся и на разстояніи шаговъ 150 отъ окопа,—это было уже около 10-ти часовъ вечера, и былъ молодой мѣсяцъ,—увидѣлъ чернѣйшій силуэтъ непріятельской цѣпи, заходящей намъ въ тылъ.

„Батюшка, уходите, я сейчасъ открою пулеметный огонь, они отвѣтятъ, и вы можете быть ранены“.

Пока я говорилъ эти слова, мои прикрытія и сосѣднія цѣпи покинули фронтальный окопъ.

„Господи, да вѣдь мы одни“, — оглянулся я. Вокругъ были шесть моихъ пулеметчиковъ, батюшка и фельдшеръ, бывшій съ ними.

„Ну, братцы, мужайтесь... „по цѣпи“...“

Отецъ Аѳанасій вытаскиваетъ крестъ; мы съ двумя солдатами цѣлуемъ крестъ, цѣлуемся съ батюшкой. Остальные вытаскиваютъ пулеметъ; наводятъ при свѣтѣ мѣсяца. Германцы приближаются, крадучись... „Уходите же, батюшка“... — „Господь васъ не оставитъ“, — были послѣднія слова его. Онъ исчезъ въ ходѣ сообщенія. „Огонь“! И первая цѣпь вѣмцевъ легла.

Какъ мы вышли изъ кольца, я не помню, потому что дѣйствовалъ въ полубезпамятствѣ. Пули, проносясь мимо, обдужали лицо, цѣплялись за одежду. Помню только, что я все время твердилъ пяти своимъ солдатамъ... эти ожесточившія меня слова: „Господь васъ не оставитъ“. Когда я вышелъ къ своимъ, первымъ вопросомъ было: „Гдѣ батюшка“?

„Его нѣтъ“.

Этими неискренними словами я хотѣлъ положить вѣнокъ на память безвѣстнаго для васъ въ тылу героя, безвѣстнаго и для насъ теперь, потому что, какъ говоритъ казенный языкъ, отецъ Аѳанасій „пропалъ безъ вѣсти“.

Мих. Сироткинъ.

Погибъ и авторъ письма, прапорщикъ, московскій помощникъ присяжнаго повѣреннаго Михаилъ Евгеньевичъ Сироткинъ.

Врачъ, москвичъ же, на рукахъ котораго умеръ М. Е., пишетъ, что онъ, какъ всегда, строго исполняя долгъ, шелъ въ атаку впереди своей роты, упалъ сначала отъ раны въ ногу, но, пока сидя перевязывалъ рану, другая пуля тяжело ранила его въ животъ. Умирая, онъ попросилъ своего друга врача поцѣловать его, обвилъ его шею руками и умеръ. Вѣчная память погибшему товарищу.

Сергій Ордынскій.

Редакція Волог. Епарх. Вѣдомостей перепечатываетъ это извѣстіе объ о. Аѳан. Турундаевскомъ изъ № 148-го Русскихъ Вѣдомостей.

О жизни въ нѣмецкомъ плѣну.

Въ русской печати накопилось столько матеріала о жизни нашихъ попавшихъ въ нѣмецкій плѣнъ воиновъ, что настала пора сдѣлать сводку всѣмъ дошедшимъ до насъ сообщеніямъ нашихъ солдатъ-бѣглецовъ. Получается какъ нельзя болѣе яркая и выразительная картина. Постараемся выяснитъ здѣсь тернистый путь, который ожидаетъ всякаго попадающаго въ нѣмецкія руки.

Вотъ описаніе тремя сибирскими стрѣлками самаго начала своего плѣненія. Въ одной партіи съ ними было три казака, которыхъ нѣмцы разстрѣляли, едва партія отошла на нѣкоторое разстояніе отъ Брезинъ. Весь путь къ границѣ плѣнныя сдѣлали пѣшкомъ и добрались до границы лишь на шестой день, полумертвые отъ усталости и голода. Конвоиры обращались съ плѣнными съ неслыханной жестокостью; оставшихъ они нещадно били прикладами, а падавшихъ на мѣстѣ прикалывали.

На границѣ плѣнными впервые выдали по 1½ фунта хлѣба, а затѣмъ разсадили по товарнымъ вагонамъ и повезли. На каждый вагонъ приходилось по 80—85 человекъ. Въ Берлинѣ плѣнныхъ накормили гороховымъ супомъ въ специально устроенныхъ около вокзала баракахъ, послѣ чего ихъ снова заперли и повезли дальше, въ крѣпость Везель.

Сходную картину рисуетъ и другой бѣглець, пробывшій въ плѣну у нѣмцевъ свыше четырехъ мѣсяцевъ.

„Когда мы были взяты въ плѣнъ, насъ повели пѣшкомъ до самой границы, и шли мы въ теченіе шести сутокъ, не имѣя абсолютно никакой пищи и отдыхая подъ открытымъ небомъ въ дождливые холодные дни и ночи. Конвой не допускалъ останавливаться нигдѣ и на всѣ наши просьбы дать кусочекъ хлѣба или разрѣшить напиться воды намъ отвѣчали ругательствами, а то даже били прикладами или палками. Бывало, что, обезсиленные, томимые жаждой, проходя мимо рѣчки мы тянулись къ водѣ, но насъ неминуемо ждалъ ударъ конвойнаго кулакомъ или ружьемъ и бывало, что больные, обезсиленные не въ силахъ были уже двигаться дальше, а германскіе солдаты, не желая ихъ отправлять въ тылъ или лазаретъ, добивали тутъ же штыками. Какъ мы добрались на седьмыя сутки до границы, одному Богу извѣстно. Особенно тяжело приходилось во время передвиженія строемъ: стоило только выйти изъ строя на пять шаговъ, хотя бы даже въ открытомъ полѣ, откуда уже никуда ни убѣжишь,

немедленно раздавался выстрѣлъ, и пуля косила несчастнаго.

Дальнѣйшая жизнь въ лагеряхъ для плѣнныхъ, по своимъ мучительнымъ условіямъ, является естественнымъ продолженіемъ уже пережитого. Такъ, упомянутые нами сибирскіе стрѣлки обрисовываютъ эту „плѣнную“ жизнь слѣдующими чертами. Помѣстили ихъ въ находящемся близъ Везеля специально построенномъ лагерѣ Фридрихсфельдѣ.

Лагерь этотъ обнесенъ рядомъ искусственныхъ загражденій. Прежде всего, прорытъ широкій и глубокій ровъ, наполненный водой. За ровомъ, шагахъ въ 30 отъ него начинаются проволочныя изгороди, черезъ которыя проходитъ толстая проволока, сообщающая всей изгороди сильный электрическій токъ. По угламъ лагеря разставлены орудія и пулеметы, обращенные жерлами къ баракамъ. Помимо всѣхъ этихъ загражденій, лагерь охраняется еще густою цѣнью часовыхъ. Ночью лагерь освѣщается такой массой фонарей, что по словамъ стрѣлковъ, тамъ такъ свѣтло, какъ днемъ.

Плѣнныхъ размѣстили въ трехъ баракахъ, обнесенныхъ колючей проволокой, дабы обитатели одного барака не могли сообщаться съ обитателями другого. Одинъ плѣнный, пытавшійся пролѣзть подъ проволокой, поплатился за это жизнью.

Бараки наскоро сколочены изъ досокъ и всю зиму не отапливались, и наши плѣнные, у которыхъ первое время не было ни матрацовъ, ни одеялъ, сильно страдали отъ холода.

Въ 6^{1/2} час. утра плѣнныхъ будили. Въ 9 час. давали имъ жидкій кофе. До 11^{1/2} час. плѣнные на площадкѣ передъ бараками обучались офицеромъ или унтеръ-офицеромъ маршировкѣ, гимнастикѣ и отдаванію чести на нѣмецкій ладъ. Малѣйшее неповиновеніе каралось четырнадцатидневнымъ арестомъ. Въ баракѣ для арестованныхъ окна наглухо заколочены и ни коекъ, ни паръ въ немъ нѣтъ. Арестованные получали лишь кофе и хлѣбъ, а когда ихъ выводили на прогулку, то надѣвали на руки кандалы и привязывали снаружи къ столбамъ. Въ 11^{1/2} часовъ плѣннымъ выдавался, такъ называемый, „военный“ хлѣбъ, по ¹/₂ фунта на человѣка ежедневно, 3 мѣшка картофеля въ день на 350 человѣкъ и на то же число человѣкъ два раза въ недѣлю выдавали по 25 фунтовъ мяса и по 15 фунтовъ сушеной рыбы и разъ, а иногда два раза въ недѣлю 30 фунтовъ перловой, ячменной или рисовой крупы. Въ 12 час. плѣнные получали обѣдъ. Съ 2-хъ до 5-ти часовъ омять прогулка

съ учениемъ. а въ 6 час. кофе, затѣмъ повѣрка,—и плѣнныхъ забирали на почѣ.

Въ итогѣ—огромное множество писемъ, разнообразныхъ по основнымъ своимъ просьбамъ:

„Пришлите, пожалуйста хлѣба“. „Ради Бога, не можете ли выслать сухарей, бисквитовъ или хоть правиковъ“. Денегъ не посылайте, а лучше хлѣба, хотя бы самого простого. Также табаку, котораго въ здѣшнихъ лавочкахъ нельзя купить“. Всѣ сѣжающіе въ Голландію наши солдаты дають одинъ и тотъ же отвѣтъ о причинахъ, заставившихъ ихъ пойти на столь рискованный шагъ.

„Насъ взяли въ плѣнъ въ октябрѣ,—разсказываетъ одинъ такой бѣглець,—и за все это время я не разу не чувствовалъ себя сытымъ. Встаешь утромъ,—голодень. Весь день ходишь голодный. А къ вечеру не знаешь, что съ собой и дѣлать. Пробовалъ животъ подтягивать, старался пить много теплой и холодной воды. Ничего не помогаетъ. Маялся я такъ, маялся, да и рѣшилъ сѣжать. Умирать, — такъ умирать. Пусть, думаю, лучше умру свободнымъ челоѣкомъ, чѣмъ околѣвать съ голоду здѣсь.“

Выдержки изъ письма военноплѣннаго русскаго солдата.

Обращеніе съ плѣнными звѣрское,—толкають кто хочетъ и чѣмъ понало. Начальство поощряетъ, некому жаловаться. Живо погребено 3600 челоѣкъ. За малѣйшій проступокъ ведутъ на лобное мѣсто, бьютъ воловьими жилами и резинами, а потомъ прикручивають веревками къ столбу. Морятъ голодомъ. Получаемъ въ сутки три четверти фунта хлѣба ржаного со смѣсью картофеля и древесной муки, около одной бутылки супа изъ не советѣмъ очищеннаго картофеля или кормовой моркови и брюквы безъ мясной порціи. Чай два раза безъ сахару. Ожидаемъ хуже.

Люди, у кого нѣтъ денегъ, сильно истощены и часто умирають. Я-же, благодаря тебѣ и людей, у которыхъ занялъ денегъ, мало испытываю горя. Хотя теперь съ деньгами, но купить нечего; раньше былъ хлѣбъ, а сейчасъ хлѣбная торговля прекращена навсегда. Соль за 1 фунтъ 10 коп. и сельди по 15 к. штука въ лавкѣ для плѣнныхъ. Что дальше, то все сильнѣй отъывается гололъ во всей странѣ, а на насъ больше. Въ газетахъ

то и дѣло, что даютъ указанія, какъ вести экономно продовольствие, особенно съ хлѣбомъ.

Всѣ съѣстные продукты конфискованы въ казну и выдаются на каждую семью дачками. Мобилизованы отъ стара до 16 лѣтъ. Въ газетахъ пишутъ (навѣрно врутъ) о побѣдахъ на всѣхъ фронтахъ; почти ежедневно берутъ по нѣсколько тысячъ въ плѣнъ, особенно русскихъ. Одобряютъ и призываютъ жителей на помощь. Обѣщаютъ многое и уповаютъ на побѣду. Намъ сообщаться съ жителями не допускаютъ. Конвойнымъ солдатамъ съ нами запрещено разговаривать подъ строгимъ штрафомъ.

Газетъ не дозволяютъ намъ, читаемъ украдкой. О своихъ потеряхъ никогда не пишутъ.

Дѣйствующая армія, 6 іюля.—Одинъ изъ плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ, лейтенантъ пѣхотнаго полка, на опросѣ его 6-го іюня 1915 года сообщилъ слѣдующее: 1. „Наша австрійская дивизія уже второй мѣсяцъ дѣйствуетъ совмѣстно съ германцами. Чаще всего нашему полку приходилось имѣть своими сосѣдями прусскую гвардію. Если бы русскіе солдаты знали, какія невѣроятныя мученія, какая страшная и позорная смерть ожидаетъ многихъ изъ нихъ, они не сдавались бы тогда живыми въ плѣнъ. Я расскажу вамъ нѣсколько случаевъ, свидѣтелемъ которыхъ я былъ самъ или о которыхъ слышалъ рассказы отъ своихъ офицеровъ и солдатъ.

Въ концѣ апрѣля и въ маѣ, при отходѣ русскихъ къ рѣкѣ Сану и далѣе, ко мнѣ неоднократно прибѣгали мои солдаты чехи, поляки и русины и съ ужасомъ докладывали, что гдѣ нибудь поблизости германскіе и частью австрійскіе солдаты-нѣмцы занимаются истязаніемъ русскихъ плѣнныхъ, замучивая ихъ до смерти. Сколько разъ я бросался по указанному направленію и видѣлъ дѣйствительно ужасныя картины.

Въ разныхъ мѣстахъ валялись брошенные обезображенные, изуродованные трупы русскихъ солдатъ. Находившіеся же по близости германскіе солдаты каждый разъ мнѣ объясняли, что они лишь исполняли приказанія своихъ начальниковъ. Когда я обращался къ германскимъ офицерамъ съ вопросомъ, правда ли это, то они мнѣ отвѣчали: „такъ слѣдуетъ поступать съ каждымъ русскимъ плѣннымъ и пока вы, австрійцы, не будете дѣлать того же, вы не будете имѣть никакого успѣха. Только озвѣрѣлый солдатъ хорошесражается и для этого наши солдаты

должны упражнять свою жестокость на русских плѣнныхъ; которые, какъ измѣнники своей родины, добровольно сдаются въ плѣнъ, ничего кромѣ пытки не заслуживаютъ“.

Я видѣлъ десятки такихъ случаевъ на небольшомъ, сравнительно, фронтѣ; но сколько такихъ истерзанныхъ труповъ русскихъ плѣнныхъ разбросано по всей Галиціи, страшно подумать. Ихъ сотни, тысячи.

2. Въ деревнѣ Сурохувъ, что въ 5-ти верстахъ къ востоку отъ Ярославъ, я самъ видѣлъ, какъ нѣмцы заперли въ деревянный сарай 9 человекъ русскихъ плѣнныхъ и потомъ подожгли его со всѣхъ сторонъ. Несчастные мученики пробовали выламывать доски, чтобы вырваться изъ горящаго строенія, но тѣмъ, кому удавалось просунуться въ образовавшуюся щель, нѣмцы со смѣхомъ разбивали головы длинными дубищами и вталкивали окровавленные трупы въ огонь. Видѣвшіе это крестьяне, хозяева горѣвшаго сарая, сначала умоляли германцевъ прекратить муки несчастныхъ плѣнныхъ, но потомъ принуждены были замолчать. „Если вы будете заступаться за этихъ собакъ — пзмѣтниковъ, отдавшихся въ наши руки, то мы васъ прибавимъ къ нимъ въ сарай“, отвѣчали имъ германскіе солдаты.

3. При переходѣ въ маѣ мѣсяцѣ тыловыхъ частей германо-австрійской арміи черезъ рѣку Санъ, на мостахъ случилось большое скопленіе обозовъ и войскъ. Дороги оказались забитыми, а тутъ еще навстрѣчу прибыла огромная партія русскихъ плѣнныхъ, которыхъ и безъ того множество толпилось у переправъ. Германцы разсвирѣцѣли, и ихъ офицеры отдали нечеловѣческой жестокой приказъ: „Бросать этихъ мерзавцевъ плѣнныхъ въ Сашъ!“ Я увидѣлъ потрясающую картину, картину которая никогда не изгладится изъ моей памяти: озвѣрѣлые солдаты, нѣмцы, сбрасывали русскихъ плѣнныхъ съ мостовъ въ рѣку, а сопротивляющихся сбивали штыками и прикладами. Вскорѣ нѣмцы увидѣли, что большинство брошенныхъ спасается, выбираясь на берегъ. Тогда было приказано плѣнныхъ прикалывать и раненыхъ или ихъ трупы сбрасывать въ Санъ. Не одна сотня несчастныхъ русскихъ была переколота и потоплена въ рѣкѣ.

4. Нѣсколько дней спустя деньщикъ мой со слезами на глазахъ разсказалъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ нѣмцы заставили раненаго въ руку русскаго плѣннаго нести на спинѣ германскаго раненаго солдата. Русскій повиновался, но вскорѣ выбился изъ силъ и, показывая на свою залитую кровью руку, просилъ од-

ного изъ здоровыхъ германцевъ смѣнить его. Видѣвшій это, германскій офицеръ приказалъ своему солдату убить русскаго, что тотъ и исполнилъ со словами: „Да, ты уже не годишься“.

5. Какъ-то прибѣжалъ ко мнѣ мой взводный унтеръ-офицеръ съ просьбой спасти русскаго плѣннаго, жестоко истязуемаго германцами. Я поспѣшилъ въ указанномъ направленіи, но было уже поздно: предо мною лежалъ обезображенный трупъ съ прострѣленной грудью. Находившіеся поблизости солдаты рассказали мнѣ, что это былъ русскій телефонистъ, отказавшійся отвѣчать на предлагавшіеся ему вопросы о мѣстахъ расположенія русскихъ войскъ. Опрашивавшій телефониста офицеръ сталъ его бить и нехорошо оговаривался о Русскомъ Императорѣ. Несчастный мученикъ, несмотря на жестокіе побои, молчалъ и только, когда офицеръ вновь въ неистойныхъ выраженіяхъ заговорилъ о священной Особѣ Императора, плѣнный съ гордостью сказалъ: „Я готовъ умереть за своего Царя“. Въ отвѣтъ на это офицеръ спокойно вынулъ револьверъ и со словами: „Отлично, умирай“, —выстрѣлилъ ему въ грудь.

6. Германскіе офицеры постоянно приучаютъ своихъ и нашихъ австрійскихъ солдатъ къ жестокости на русскихъ плѣнныхъ, раненыхъ и трупахъ убитыхъ. Я самъ, своими глазами, видѣлъ, какъ германцы заставили нашихъ уланъ упражняться въ рубкѣ рапныхъ и убитыхъ русскихъ солдатъ, застрывшихъ въ болотѣ.

Я съ ужасомъ смотрѣлъ, какъ уланы, осторожно подползая къ болоту, рубили головы русскихъ, изъ которыхъ навѣрное многіе были еще живы, такъ какъ бой на этомъ мѣстѣ закончился только два дня назадъ.

Все рассказанное я подтверждаю своимъ офицерскимъ словомъ и готовъ повторить когда и кому угодно“.

Къ исторіи церквей Вологодской епархіи.

(См. № 13 Епарх. Вѣд.).

VII. 1683 г. О построении вмѣсто сгорѣвшихъ 12 апр. отъ молніи двухъ храмовъ въ Васьяновской волости преп. Василиана и препп. Діонисія и Амфилохія Глушицкихъ теплаго храма преп. Глушицкихъ (нынѣ въ Кадниковскомъ уѣздѣ).

Государю преосвященному Симону, архіепископу Вологодскому и Вѣлозерскому, бьютъ челомъ сироты Вологодского уѣзду Васьяновской волости *думною дьяка Василья Григорьевича Семенова* крестьяпинишко церковной староста Власко Сысоевъ да

земскої старостишко Васка Михіевъ, Ѳодора *Еропкина* старостишко Сенка Петровъ, Ивана *Озерова* старостишко Никитка Елисеевъ, Назарья *Пестрикова* старостишко Бажевко Семеновъ, Козмы *Коржакина* старостишко Сенка Амосовъ и вѣтъ старостишка и крестьянишка розныхъ помѣстей и вотчинъ Васильяновскаго приходу. Милости, государь, просимъ, пожалуй насъ сиротъ. Въ вынѣшномъ, государь, во 191-мъ (1683) году апрѣля въ 12 день волею Божією церкви Божіи храмъ преподобнаго отца Васильяна да храмъ преподобныхъ отецъ Діонисія и Амфилохія Глушицкихъ чудотворцевъ отъ молнія згорѣли, и нынѣ престольныя мѣста стали просты. Милостивый государь, преосвященный Симонъ, архієпископъ Вологодскій и Бѣлоозерскій, благослови государь насъ сиротъ на погорѣлое мѣсто новую церковь поставити: теплый храмъ во имя преподобнаго Діонисія и Амфилохія Глушицкихъ чудотворцевъ, чтобъ, государь, прародители и родители наши были бы помянуты и намъ, сирогамъ, церковей и святыни быть бы нестлученнымъ. Государь, смилуйся, пожалуй. *Наоборотъ* слѣдующія три рукопривладства. „Къ сей челобитной Васильяновскої поузъ Иванъ Никитинъ вмѣсто старость и крестьянъ детей своихъ духовныхъ по ихъ велѣнью руку приложилъ. Къ сей челобитной думново дьякъ Василья Григорьевича Семенова крестьянинъ Андрюшка Аѳонасьевъ вмѣсто церковнаго старосты Власья Сысоева по его велѣнью руку приложилъ. Къ сей челобитной думново дьяка Василья Григорьевича Семенова крестьянинъ Левка Михіевъ вмѣсто старосты Вася (?) Михіева по его велѣнью руку приложилъ“.

VIII. 1644 г. О построеніи въ бывшей вотчинѣ Корниліева монастыря Грязовецкаго уѣзда въ селѣ Студенцѣ новаго деревяннаго храма во имя св. Николая чудотворца на мѣстѣ сгорѣвшаго храма.

Государю преосвященному Варлааму, архієпископу Вологодскому и Великопермскому, бьютъ челомъ государевы царскія и твои святительскія богомольцы Введенія Пречистыя Богородица Корвиліева монастыря игуменъ Антоней, строитель Іевъ з—братъею. Въ нынѣшнемъ, государь, во 153-мъ (1644) году ноября въ 1 день грѣховое, государь, дѣло учинилось: въ монастырской вотчинѣ въ селѣ на Студенцѣ храмъ теплой съ трапезою—престоль во имя чудотворна Николы згорѣлъ. Благослови, государь, великій святитель, на новой храмъ бревна ропить и поставити на старомъ мѣстѣ тотъ же престоль во имя чудотворца Николы. Государь святитель, смилуйся.—*Наоборотъ*

ть резолюція: „153-го ноября въ 12 д. По сей челобитной дана благословенная грамота“.

IX. Ок. 1693 г. Жалоба на прихожанина Волог. городской церкви Михаила Архангела Алексѣя узденика приходскаго попа и прихожанъ церкви свв. Василия В., Григорія Божьего слова и Іоанна Златоустаго о захватѣ Алексѣемъ церковной земли.

Государю пресвященному Гавріилу, архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому, бьютъ челомъ твой святительской богомолецъ, съ Вологды съ посаду церкви трехъ святителей — Василия Великого, Григорія Божьего слова и Іоанна Златоустаго пощъ Іоаннъ Кондратьевъ да сироты Великого Государя Вологжанинъ, посадцкіе люди, той церкви бывшей староста Назарко Акишевъ и всѣ прихоженя той церкви. Жалоба, государь, намъ на Вологжанина посадцкого челоуѣка, церкви Архистратига Михаила на прихоженя на Алексѣя Емельянова сына узденика въ томъ: жилъ онъ, Алексѣй, у насъ въ сосѣдяхъ и живучи тотъ дворъ въ прошломъ въ двѣсти въ первомъ году февраля въ 28 день (т. е. въ 1693 г.) продать Вологжанину посадцкому челоуѣку Ильѣ Иванову сыну шапошнику, а мѣрою того двора написалъ поперекъ по лицу одиннадцать сажень, два аршина, а въ длину дворовой и отородной земли до рѣки Говенки сорокъ четыре сажени два аршина, а въ межахъ написалъ дворъ Оетки Володимерова, а по другую сторону написалъ церковную землю Василия Великого. а та церковная земля въ писцовыхъ книгахъ написана къ той церкви Василия Великого. А нынѣ, государь, онъ Алексѣй той церковною землею насилствомъ своимъ сталъ пахать и въ коротку отдавать, а церкви Божіи великое разореніе чинить. Милостивый государь, пресвященный Гавріиль, архіепископъ Вологодскій и Бѣлоозерскій, пожалуй насъ, богомольца своего и сиротъ Великого Государя, вели государь ево Алексѣя поставить на своемъ святительскомъ дворѣ съ крѣпостями, почему онъ Алексѣй той церковною землею владѣеть и пахнетъ и въ коротку отдасть безъ твоего святительского указу. Великій государь святитель, смилуйся, пожалуй.

Примѣчаніе. Упоминаемая церковь Трехъ святителей находилась въ т. Вологдѣ недалеко отъ нынѣшней церкви Архангела Гавріила

Библиографическая замѣтка.

Леонидъ Соколовъ. Епископъ Игнатій Брянчаниновъ. Его жизнь, личность и морально-аскетическія воззрѣнія. Въ двухъ частяхъ съ приложеніями. Часть первая 1—417 стр. Часть вторая 1—407 стр. Приложенія 1—290 стр. Кіевъ 1915 года.

Означенный обширный трудъ принадлежитъ бывшему талантливому преподавателю Вологодской духовной семинаріи и, кстати сказать, образцовому секретарю Правленія семинаріи, нынѣ служащему въ званіи доцента Кіевской Дух. Акад. Воспоминательный и трактуемый имъ святитель Игнатій по своему происхожденію также принадлежить Вологодской губерніи: онъ изъ древняго дворянскаго рода Брянчаниновыхъ.

Въ высокопочтенномъ трудѣ авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за жизнью еп. Игнатія и отчетливо выясняетъ личность его. Сдѣлавъ общую характеристику духа времени еписк. Игнатія, авторъ въ живыхъ поэтическихъ краскахъ описываетъ дѣтство и молодость епископа Игнатія въ родномъ домѣ села Покровскаго Грязовецк. уѣзда Вологодской губ.; его обученіе и воспитаніе въ Инженерномъ училищѣ, его благочестивыя путешествія по св. обителямъ въ качествѣ смиреннаго послушника. Епископъ Игнатій былъ не воспитанникомъ Академіи, но воспитанникомъ монастыря. Богословское воспитаніе онъ получилъ въ чтеніи Свящ. Писанія, св. отцовъ и въ св. обителяхъ. Юноша Брянчаниновъ, въ мѣрѣ Димитрій, нѣкоторое время проживалъ въ Семигородной пустынѣ и Діонисіево-Глушицкомъ монастырѣ. Постриженіе онъ принялъ отъ рукъ еписк. Вологодскаго Стефана 28 іюня 1831 г. въ Вологодскомъ Кафедральномъ Воскресенскомъ соборѣ; обучался священнодѣйствію въ градской церкви Спаса подъ руководствомъ свящ. В. Нордова — впоследствии кафедральнаго протоіерея. Авторъ подробно останавливается на дѣятельности еписк. Игнатія въ должностяхъ настоятеля монастырей—Григоріево-Пельшемскаго Лопотова и особенно Троице-Сергіевой пустыни близъ Петрограда, изображаетъ его многотрудную святительскую дѣятельность въ санѣ епископа Кавказскаго и Черноморскаго (1857—1861 г.) и наконецъ описываетъ его жизнь на покой въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ Костромской губ. (1861—† 30 апр. 1867 г.), „Пресвященный Игнатій, заключаетъ авторъ свое обслѣдованіе, за всю свою жизнь представляетъ намъ рѣдкій примѣръ личности цѣльной, всегда собѣ равной. Въ садахъ села Покровскаго, въ Инженерномъ училищѣ, въ скорбяхъ

послушническаго искуса, въ настоятельствѣ монастырскомъ, въ архіепископствѣ Кавказскомъ и въ тиши монастырскаго уединенія, — предъ нами все оденъ Игнатій Бричаниновъ — самособранный, сосредоточенный аскетъ-подвижникъ, искатель и ревнитель душевнаго спасенія для себя и ближнихъ“.

Во второй половинѣ своего труда авторъ предпосылаетъ сначала общее обзорнѣе литературныхъ трудовъ еписк. Игнатія. Основнымъ вопросомъ для размышленія еписк. Игнатія, какъ писателя богослова, является вопросъ: что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться? Сочиненія его являются отраженіемъ его личности и плодомъ содержательнаго, многолѣтняго личнаго духовнаго опыта. Анализъ твореній еп. Игнатія ведется авторомъ по слѣдующему плану: въ первой главѣ ученіе о духовномъ мірѣ и общихъ условіяхъ душевнаго спасенія, какъ необходимыхъ предпосылокъ православно-христіанскаго подвига; во второй главѣ излагаются воззрѣнія на грѣховное состояніе человѣка или реальную сторону духовной жизни. Наконецъ, въ третьей главѣ содержится ученіе о православно-христіанскомъ подвигѣ въ его порядкѣ и постепенности, о душевномъ спасеніи, или объ идеальной сторонѣ духовной жизни. „Творенія Владыки Игнатія, заканчиваесть авторъ, имѣють для духовной жизни значеніе путеводнаго маяка или призывнаго колокола, ибо они ясно и опредѣленно указываютъ путь жизни, путь душевнаго спасенія“.

Въ обширныхъ „Приложеніяхъ“ авторъ даетъ во 1) статьи еписк. Игнатія по вопросамъ церковно-общественнымъ, напр. по вопросу объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; о необходимости собора по нынѣшнему состоянію Россійской православной церкви (1862—1866), во 2) глубокосодержательныя и назидательныя письма къ разнымъ лицамъ; изъ нихъ многія впервые появляются въ печати и наконецъ въ 3) для удобства справокъ прилагается указатель собственныхъ именъ и важнѣйшихъ предметовъ упоминаемыхъ въ разбираемой книгѣ. Для иллюстраціи приложены фотографическіе портреты еп. Игнатія въ четырехъ видахъ, рисунки села Покровскаго — родины святителя и видъ Николо Бабаевскаго монастыря, который повторно красуется и на начальныхъ листахъ обѣихъ частей книги.

Книга г. Соколова представляетъ подробное обстоятельное учебное изслѣдованіе изъ области нравственнаго Богословія. Авторъ лично посѣтилъ мѣста жизни и служенія еписк. Игнатія, тщательнѣе

ознакомился со всею печатною литературой и неизданными мемуарами, касающимися личности святителя подвижника и все-сторонне и внимательно изучилъ всё его твореніа. Въ изложеніи преобладающаго содержанія ихъ, какъ-то: разнообразной борьбы со грѣхомъ, духовнаго возрожденія и постепеннаго совершенствованія христіанина, — всюду виденъ глубокой психологической анализъ и стройная логическая послѣдовательность. Языкъ книги живой и ясный; легко и пріятно читается. Самыя отвлеченныя истины изложены въ общедоступной и популярной формѣ. При чтеніи обширнаго труда не чувствуется утомленія. Причиной тому служитъ то, что чрезъ всю книгу проходитъ красною нитью теплое живое сочувствіе и расположеніе автора къ личности и міровоззрѣнію святителя Игнатія; оно неволью передается читателю, заражаетъ его и располагаетъ къ чтенію. Авторъ какъ бы самъ переживаетъ тѣ или иныя духовныя состоянія, анализируемыя еписк. Игнатіемъ, и своихъ читателей заставляетъ трепетать тѣми же чувствованіями. Не только для монашествующихъ, но особливо для пастырей церкви, этихъ душепопечителей и духовныхъ врачей, и всѣхъ благочестивыхъ ревнителей книга г. Соболева является весьма полезнымъ приобрѣтеніемъ и даетъ назидательное чтеніе. Она весьма пригодна для церковныхъ, школьныхъ и народныхъ библиотекъ. Книга издана весьма чисто и опрятно. Цѣна не указана, но въ цѣляхъ общедоступности желательна и цѣна общедоступная. Остается благодарить автора за высокопочтенный трудъ, въ которомъ онъ ознакомилъ православныхъ русскихъ людей и приблизилъ къ общенародному пониманію великую духовную сокровищницу богатаго вѣрою и благочестіемъ святителя подвижника.

Протоіерей *Алексій Лебедевъ.*

О б ъ я в л е н і я.

Открывается подписка на серію изъ 12-ти книжечекъ: „Христіанскіе праздники“ подъ редакціей профессора Кіевской Академіи М. Скабаллаповича. Книжка о каждомъ изъ великихъ (дванадцатыхъ) праздниковъ будетъ получена подписчиками къ этому празднику. Разсылка начнется съ праздника Рождества Пресв. Богородицы 1915 года. и окончится Успеніемъ Богородицы 1916 года. Каждая книжка будетъ заключать: 1) подробный живой рассказъ о празднуемомъ событіи, основанный на Евангеліи,

свѣтоотеч. твореніяхъ и научныхъ пособіяхъ, съ описаніемъ связанныхъ съ событіемъ жѣсть Палестины; 2) переводъ на русскій языкъ всей праздничной церк. службы съ объясненіемъ всѣхъ пѣснопѣній, 3) истолкованіе музык. стороны праздничной службы (что выражаютъ ея напѣвы и ихъ чередованіе); 4) исторію установленія и развитія праздника; 5) ноты для важнѣйшихъ пѣснопѣній праздника по особенно избраннымъ напѣвамъ. Каждая книжка займетъ не менѣе 3—4-хъ печатныхъ листовъ (50—65 стр.), а все изданіе не менѣе 40—50 печатныхъ (до 800 стр.) листовъ. Цѣна серіи изъ 12-ти книжекъ для подписавшихся до 1-го августа—2 руб.; послѣ этого срока цѣна всей серіи—3 руб. Для подписчиковъ журнала „Проповѣдническій Листокъ“ за всю серію по подпискѣ до 1 августа—1 руб. 50 коп. Изданіе настоящихъ книжекъ ставитъ себѣ цѣлью прийти на помощь каждому христіанину въ томъ, чтобы возможно достойнѣе провести каждый праздникъ и чрезъ то получить всю ту нишу и пользу для сердца и ума, которую способенъ дать каждый праздникъ. Въ своихъ праздникахъ, открывающихся Рождествомъ Пресвятыя Богородицы и завершающихся Ея Успеніемъ правосл. Церковь богослуженіемъ и обрядами заставляеть христіанъ переживать послѣдовательно всѣ важнѣйшіе акты, какъ бы стадіи совершеннаго Христомъ спасенія нашего. Изъ cadaго праздника, по мысли и намѣренію Церкви, христіанинъ долженъ выйти духовно обновленнымъ и ободр., очищеннымъ и просвѣтленнымъ, съ новымъ запасомъ силъ на добрую жизнь и духовное самосовершенствованіе. Эта высокая цѣль христ. праздника будетъ достигнута вѣрующимъ только тогда, когда послѣдній будетъ живо и ярко представлять празднуемое событіе, а главное когда онъ съ полнымъ пониманіемъ прослушаетъ праздничную службу. А въ виду этого для cadaго слушателя нужно вскрыть иногда очень сокровенный и всегда очень глубокой смыслъ церк. пѣснопѣній. О, если бы всѣ знали, какую глубину богословія заключаютъ эти пѣснопѣнія! Недаромъ въ некоторыхъ знатокахъ высказывалась мысль, что правосл. богословіе можетъ исчерпываться однимъ богослуженіемъ, т. е. что въ богослуженіи нашемъ собрано и изложено рѣшительно все, что можетъ и долженъ думать о Богѣ и спасеніи всякій христіанинъ. Послѣ всего сказаннаго, есть ли налобность говѣрять еще особенно о томъ, насколько нужны и прямо необходимы пастырю предназначенныя къ изданію книжки которыя правильнѣе

было бы озаглавить: „Все о праздниках“? Къ сказанному развѣ можно бы прибавить, что книжки эти дадутъ и достаточный, и необходимый, и, такъ сказать, неисчерпаемый матеріалъ для вѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ каждый праздникъ. Адресъ: Кіевъ, Редакція журнала „Проповѣдническаго Листка“. Редакторъ ординарный профессоръ Кіевской Императорской духовной Академіи *М. Скабаллиновичъ*. Издатель преподаватель Кіевской Духовной Семинаріи *А. Троицкій*,

Съ 18 апрѣля въ Петроградѣ выходитъ новая ежедневная газета „**НОВЫЕ ДНИ**“. Въ программу газеты «Новые Дни» входятъ всѣ обычные отдѣлы политич. обществ. и литерат. газетъ. Редакція имѣетъ цѣлью итти навстрѣчу существующей въ обществѣ потребности въ недорогомъ, но серьезно поставл. и вмѣстѣ живомъ, отзывчивомъ на текущіе вопросы ежедневномъ изданіи опрѣд. и устойчиваго націонал. направленія, равно чуждаго какъ узкой партійности, такъ и безогляднаго служенія разнообраз. теченіямъ и вѣяніямъ, проникающимъ съ разныхъ сторонъ въ нашу обществ. жизнь. Оставаясь на строго идейной почвѣ, воздерживаясь отъ личныхъ пререканій какого бы то ни было вида, редакція желала бы по мѣрѣ силъ и возможности и въ предѣлахъ доступныхъ нынѣ вѣдѣнію печатнаго слова, способствовать на-ряду съ другими изданіями проведенію въ обществ. жизнь началъ правды и добра, будить въ обществѣ добрыя христіански-гуманныя чувства, энергію въ работѣ на общую пользу и сознаніе гражд. долга въ служеніи Царю и Родинѣ. Бережно относясь къ правамъ и нуждамъ разнообразныхъ сословныхъ и обществ. группъ, соедин. въ одно цѣлое въ великомъ Русскомъ народѣ, редакція охотно дастъ въ газетѣ мѣсто независимымъ голосамъ людей опыта и знаній, ноборниковъ свѣта и гласности, въ какому бы обществ. слою они ни принадлежали. Особ. вниманіе обращено будетъ на дѣла и нужды провинціи, силами которой питаются наши столицы, умств. и нравств. ростъ которой составляетъ такое замѣтное явленіе въ наши дни. И въ Петроградѣ, и въ далекихъ уголкахъ провинціи въ годину трудной и упорной, но успѣшной борьбы съ вѣковыми врагами славянства и грубыми нарушителями правды Божіей на землѣ, всѣ живутъ теперь съ мыслью о грядущихъ свѣтлыхъ дняхъ мира, не вѣшняго только, какъ послѣдствія побѣдоносной войны, но и мира внутр., объединенія всѣхъ Рускихъ гражданъ въ одну дружную семью,

такъ счастливо начавшагося на полѣ битвы, среди подвиговъ патриотизма и помощи страждущимъ, въ заботахъ о всеобщемъ отрезвленіи — не тѣлесномъ только, но и дух. Съ тѣми же надеждами на свѣтлое будущее начинаемъ и мы изданіе новой газеты, о чемъ говоритъ и самое изданіе ея. Въ газетѣ «Новые Дни» принимаютъ участіе, между прочимъ слѣдующія лица: Н. Ф. Арепьевъ, А. Ф. Арсеньевъ, М. М. Бородкинъ, П. Г. Бывалькевичъ, кн. Д. П. Голицынъ-Муравлинъ, проф. П. И. Ковалевскій, пр. П. Н. Лахотскій, В. В. Лермантовъ, Н. И. Мишеевъ, Н. Нахимовъ, И. И. Недумовъ, пр. Н. Н. Писаревскій, К. А. Сборовскій, М. М. Соловьевъ, И. Старовъ, Л. И. Шестаковъ и др. Подписная цѣна съ пересылкой: на годъ 4 руб., на 8 мѣс. (съ 1 мая) 2 руб. 70 коп. на 6 мѣс. 2 руб. на 3 мѣс. 1 руб. на 1 мѣс. 35 к. Объявленія впереди текста по 60 коп. за строку непарели, позади таксы — по 30 коп. Лица, желающія получить пробныя №№ для ознакомленія, благоволятъ присылать свой адресъ. Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Бассейная, 37. Редакторъ-издатель *И. В. Скворцовъ*. 2—2

С о д е р ж а н і е:

1. Епархіальная хроника.
2. Миссіонерскія поѣздки въ Грязовецкій уѣздъ.
3. Христіанское міровоззрѣніе въ сочиненіяхъ нашихъ поэтовъ.
4. Мои воспоминанія объ Ижмѣ.
5. Изъ предсмертнаго письма.
6. О жизни въ вѣмечкомъ плѣну.
7. Выдержки изъ письма военноплѣннаго русскаго солдата.
8. Къ исторіи церквей Вологодской епархіи.
9. Библиографическая замѣтка.
10. Объявленія.

Редакторъ *Ив. Суворовъ*.

Вологда? Типографія Губернскаго Правленія. 1915 г.